

**ДНІПРОПЕТРОВСЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ
УНІВЕРСИТЕТ
ЛАБОРАТОРІЯ АРХЕОЛОГІЇ ПРИДНІПРОВ'Я
НЕЗАЛЕЖНИЙ БЛАГОДІЙНИЙ ФОНД « НОВА ІДЕОЛОГІЯ »
ДНІПРОПЕТРОВСЬКА ОБЛАСНА ДЕРЖАВНА АДМІНІСТРАЦІЯ**

МАТЕРІАЛИ

**МІЖНАРОДНОЇ АРХЕОЛОГІЧНОЇ КОНФЕРЕНЦІЇ « ЕТНІЧНА
ІСТОРІЯ ТА КУЛЬТУРА НАСЕЛЕННЯ СТЕПУ
ТА ЛІСОСТЕПУ ЄВРАЗІЇ
(ВІД КАМ'ЯНОГО ВІКУ ПО РАННЄ СЕРЕДНЬОВІЧЧЯ) »**

**Дніпропетровськ
1999**

ительство, изделия из металла киевской культуры сопредельными археологическими культурами.

В последнее время, в связи с накоплением нового материала, можно дополнить данную концепцию. Во время работ на памятнике Александровка 1 обнаружена мастерская (постройка 4) по производству полуфабрикатов трехскладчатых гребней, характерных для черняховской культуры. Мастерская по их производству обнаружена на памятнике Большая Снитынка 2. Производственная постройка на Александровке 1 дает заготовки из рога оленя и лося без отверстий под заклепки и пропилов, окончательная форма не придана. Таким образом, можно предположить, что они производились по заказу черняховских мастеров. Керамический комплекс постройки 4 также свидетельствует о тесных контактах с черняховским населением (гончарная керамика - 30,3 %). Также интерес представляют памятники киевской культуры в Воронежской и Липецкой областях. На позднескифском городище Чертовицкое III Воронежской области исследована постройка 9 с печью-камином, наиболее характерной для киевской культуры. Керамический комплекс также в целом можно отнести к ней же. Интересен также памятник Каширка 2 в Липецкой области. К нижнему горизонту относятся две полуземлянки (жилая и хозяйственная) и несколько ям, относящихся к киевской культуре. К верхнему относятся две наземные постройки. Постройка 1 по керамическому комплексу, за исключением одного горшка, относится к киевской культуре. Постройка 2 имеет позднескифский материал, аналогичный Нижнеднепровским памятникам типа Каменка, Золотая Балка. Характерно наличие в обеих постройках черняховской гончарной керамики. В связи с одинаковым уровнем выявления и, очевидно, одновременной гибелью в пожаре, постройки 1 и 2 можно считать сосуществовавшими.

Таким образом, основываясь на последних данных, можно говорить о вхождении отдельных групп Киевского населения в другие культурно-технические группы.

ЕТНОКУЛЬТУРНІ ПРОЦЕСИ ДОБИ СЕРЕДНЬОВІЧЧЯ ТА ЧАСІВ КОЗАЦТВА

В.С.Аксенов
(Харьков)

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОГРЕБЕНИЙ ПО ОБРЯДУ КРЕМАЦИИ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Этническая принадлежность салтовских кремационных захоронений остается до конца невыясненной. На современном этапе общепризнанно, что салтовские кремационные захоронения принадлежат новому, "ранее ученым неизвестному или "неосознанному" этносу" [Плетнева, 1990. С.83]. При этом обряд трупосожжения приписывают различным этническим компонентам, входившим в состав Хазарского каганата: славянам [Кухаренко, 1952. С.49; Плетнева, 1962. С.64], каким-то тюркским племенам [Плетнева, 1967. С.100-101], угорским народам (белым уграм) [Михеев, 1982. С.166], иранцам [Шрамко, 1983. С.48-50]. Наибольшее число приверженцев имеет, в силу ряда субъективных причин, славянская версия. Пеньковская культура в этом случае считается наиболее вероятной подосновой салтовских кремационных захоронений, а позднепеньковское (антское - славянское) население рассматривается как единственно возможный носитель этого обряда в салтовской среде [Афанасьев, 1987. С.153; Михеев, 1991. С.44; Седов, 1997].

Сравнение пеньковских и салтовских погребений по обряду трупосожжения по-

казывает их существенные различия. Пеньковские захоронения отличаются бедностью погребального инвентаря, который представлен единичными вещами и сосудами-приношениями, при полном отсутствии предметов вооружения и конского снаряжения [Приходнюк, 1980; Любичев, 1994. С. 51-54; Зиньковская, 1997. С. 14]. В салтовских кремационных захоронениях предметы вооружения (сабли, наконечники копий броневой типа, топоры-чеканы, костяные накладки лука, наконечники стрел) и конского снаряжения, предметы хозяйственно-бытового назначения (серпы, сверла, ложкорезы, кресала, котлы, вилки для доставания мяса из котла, сундучки), элементы одежды, личные украшения (низки сердоликовых бус, фибулы, золотые серьги и т.п.) встречаются достаточно регулярно. Такое положение вещей нельзя объяснить только хронологическими различиями захоронений пеньковской и салтовской культур. Трудно предположить, что войдя в состав Хазарского каганата в VIII в. в качестве данников хазар, славяне, которые в VI-VII вв. известны как пешие воины, вооруженные, по сообщению Маврикия, двумя небольшими дротиками [Жебелев, 1939. С. 37], вдруг становятся в VIII-IX вв. всадниками, искусно владеющими саблями, топорами-чеканами, копьями с броневой наконечниками.

Наличие в мужских и женских салтовских кремационных захоронениях (Тополи, Кочеток, Сухая Гомольша, Лысый Горб) по одному экземпляру железных прогнутых фибул с завитком на пятке также не служит подтверждением славянской принадлежности данных захоронений, ибо костюм славянских женщин V-VIII вв. характеризуется наличием пары одинаковых фибул [Щеглова, 1990. С. 178. Рис. 7; Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 57, 59, 61]. Отсюда налицо разница в таком важном этнокультурном элементе как одежда.

Сравнение салтовских кремационных захоронений из бассейна Северского Донца с другими группами кремационных захоронений в границах салтовской археологической культуры – Дунайской (Нови Пазар, Девня-1, Девня-3), Средневожской (Рождественский могильник, могильники именьковской культуры) и Северо-Кавказской или Кубано-Черноморской (Борисово, Дюрсо, Казазово-2, Псекунский-1) – показало наибольшую их близость к захоронениям последней [Пьянов, Тарабанов, 1996]. Их сближает преобладание захоронений в ямах над урновыми, форма и размеры могильных ям, состав погребального инвентаря, в котором значительное место отводится предметам вооружения и конскому снаряжению, наличие в захоронениях серпов, крупных железных пинцетов, фибул, очажных принадлежностей (котлов, надочажных цепей, вилок для доставания мяса из котла, шампуров). При этом инвентарь обеих групп захоронений проявляет и типологическую близость. Так, однотипными для них являются: широколезвийные и пиковидные наконечники копий; прорезные срезни; ромбовидные рамчатые наконечники стрел; коньковые шумящие подвески; серьги с неподвижной подвеской булавовидной формы, украшенные зернью; железные фибулы с завитком на пятке; фибулы-“уточка”; крымские ойнохои баклинского типа. Для обеих групп захоронений характерен обряд преднамеренной порчи оружия, инвентарь носит следы пребывания в огне. Такая близость погребального обряда и инвентаря указывает на этническое родство населения, оставившего захоронения из бассейна Северского Донца и из Кубано-Черноморского региона. Относительно позднее появление славянского населения в Кубано-Причерноморском районе (конец X в, создание Тмутараканского княжества) ставит под сомнение славянскую принадлежность кремационных захоронений VIII-IX вв. из этого района, а следовательно, и из бассейна Северского Донца.

Для решения вопроса об этнической принадлежности кремационных погребений

из бассейна Северского Донца, с нашей точки зрения, большое значение имеет факт существования на биритуальном салтовском могильнике Красная Горка относительно компактно расположенных групп захоронений, содержащих разнообразное (ингумация и кремация) погребения, и отделенных от других подобных групп свободным от погребений пространством. При этом захоронения по обряду трупосожжения довольно часто были впущены в засыпку ингумационных захоронений без разрушения последних. Так, в засыпку погребения человека с конем № 75/к-4 было впущено два ямных сожжения (№№ 59, 71) и захоронение человеческого черепа (№64). Погребения по обряду сожжения (№№ 277, 281) были обнаружены в засыпке других погребений, принадлежавших воинам-всадникам - №№ 289/к-28 и 93/к-6. Такая же ситуация была прослежена и на примере рядовых ингумационных захоронений. В погр. №№ 50, 74, 113, 243, 247, 274 были впущены захоронения по обряду кремации №№ 39, 58, 111, 237, 242, 268 соответственно. А в засыпке погребения № 36 находилось два кремационных захоронения №№ 37 и 38. В ряде случаев основное и впущенное в него погребения были однообрядовыми (ингумационные - №№ 150/к-13 и 142, кремационные - №№ 109 и 106, 108 соответственно). Инвентарь основных и впущенных в них погребений был представлен вещами, характерными для салтовской культуры. Такое сочетание захоронений свидетельствует о существовании в общине, оставившей могильник Красная Горка, семей, члены которых принадлежали к разным, но родственным в этническом плане группам (фратриям, родам), применявшим разный обряд захоронения своих умерших родственников.

Принадлежность же ингумационных захоронений биритуального могильника Красная Горка к болгарскому компоненту салтовской культуры не вызывает сомнения [Михеев, 1990. С. 46-50]. Праболгары же, как показывают данные лингвистики и археологии, включали в себя представителей иранского, угорского и тюркского этносов [Бешевлиев, 1981. С. 22; Рашев, 1993. С. 250-254]. Однако только для тюркских народов в VI-IX вв. характерен обряд погребения умерших в сопровождении коня как по обряду ингумации, так и по обряду кремации. При этом исследователи связывают погребения по обряду сожжения с конем собственно с тюрками-тюгу или же с представителями только социальной верхушки тюркского общества, тогда как простое население хоронило своих умерших по обряду ингумации в сопровождении коня. Такое положение вещей находит подтверждение в материалах грунтовых могильников Подонцовья. Так, погребения, принадлежащие к воинской верхушке салтовского войска – сотника (погр. №108, 216 могильника Красная Горка, №1 могильника Лысый Горб), совершены по обряду кремации и содержат, помимо широкого спектра предметов вооружения и хозяйственно-бытового инвентаря (включая котлы), такой социально маркирующий элемент как конский начельник в комплекте с крупными бляхами-фаларами [Крыганов, 1989. С. 109; Аксенов, 1998. С. 40]. Интересно, что в болгарских захоронениях по обряду ингумации конские начельники не были встречены ни разу. Захоронения же рядовых профессиональных воинов производились и по обряду кремации, и по обряду ингумации [Аксенов, Крыганов, Михеев, 1996].

Таким образом, если принять во внимание факт принадлежности кремационных захоронений VII-начала VIII вв. (Келегеи, Глодосы, Перещепино, Вознесенка), как считает ряд исследователей, представителям болгарской верхушки (тюркской в своей основе), то и кремационные захоронения Подонцовья VIII-IX вв. так же следует связывать с представителями тюркского этноса в условиях перехода господствующей функции в степях юга Восточной Европы от болгар к хазарам.